

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 903

Возможности критического дискурс-анализа как метода интерпретации устных историй о Великой Отечественной войне

Ирина Викторовна Реброва

Кубанский государственный технологический университет, Россия
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается применение метода критического дискурс-анализа для интерпретации устных воспоминаний о Великой Отечественной войне. Основные источники для изучения – устно-исторические интервью с участниками и свидетелями военных событий на юге России.

Ключевые слова: критический дискурс-анализ; Великая Отечественная война; устная история; ego-документы.

Устная история как одно из направлений изучения прошлого довольно давно удерживает стабильные позиции в исторической науке. Все больше историков обращаются к сбору устных историй и их дальнейшей интерпретации для изучения различных аспектов социальной и политической истории общества. В устноисторических исследованиях на первый план выходит субъективный опыт отдельного человека, через который формируется историческая память. Важным становится понимание того, как преломляется оценка событий отдельными людьми, особенно в экстремальных условиях [1]. Наиболее часто историки в России используют устную историю при изучении ключевого события национальной истории XX века – Второй мировой войны (в памяти соотечественников эта война продолжает существовать как Великая Отечественная). Ежегодно к годовщине Победы в войне в регионах страны публикуются сборники воспоминаний ветеранов войны, работников тыла, жителей оккупированной территории, «детей» войны [2]. Рассказы еще живых свидетелей Второй мировой войны становятся важным источником по реконструкции военной повседневности.

Значительным резервом для устной истории становится тема Великой Отечественной войны. Долгое время в историографии господствовала единая концепция о войне. Не отрицая положительные стороны обширной советской историографии о войне,

необходимо признать, что за достаточно политизированным построением картины событий и сражений терялся человек. Между тем современная историографическая ситуация и в нашей стране, и в мире в целом характеризуется интересом к так называемому «молчаливому большинству».

С течением времени меняются формы передачи памяти о войне. Сегодня еще есть возможность поговорить с очевидцами событий и составить собственное представление о них. В последующем исследователям останутся только книги, письменные источники, видео- и фотоматериалы. Остается фактически последний шанс спросить тех реальных участников войны, оккупации, движения сопротивления, которые уже тогда могли составить собственное мнение о войне.

Особенности устно-исторических нарративов

Современное историческое знание в России находится под сильным воздействием мировой гуманитаристики, которая постепенно отходит от линейных, стадийных теорий исторического процесса, воплощенных в глобальных национально-государственных метанарративах, к культурологически ориентированному знанию [3]. В то же время изменение отечественной историографической традиции в значительной мере объясняется и изменением социокультурной ситуации в стране, в частности, распадом единой государственной идеологии.

Сказалось и постмодернистское влияние на историографию, которое содействовало фрагментации исторического знания, потере представлений об однородности в отношении исторического развития. Анализируя современное состояние как в сфере исторического познания, так и социокультурной ситуации в целом, авторы разных стран обнаруживают сходные взгляды и идеи [4]. Постмодерн, по выражению Дж.Тоша, отличает нарастающее разочарование в глобальных историко-теоретических построениях, не устраивающих общество [5]. Ж.-Ф. Лиотар наиболее существенной чертой современного состояния постмодерна называет недоверие в отношении «метарассказов» [6].

Вместе с критикой прежде накопленного знания появляются попытки новой интерпретации исторической реальности, в частности, с позиции местной, локальной истории. Позитивная программа постмодерна, по мнению З. Баумана, характеризуется переходом «от законодательного разума к интерпретирующему». Если «законодательный разум» стремится захватить право на монолог, то «интерпретирующий разум» – участвует в диалоге с познаваемым субъектом [7].

Постмодерн заменил существовавшие ранее представления о едином историческом пространстве, сама картина мира становится необычайно разнообразной. Еще К. Ясперс замечал, что история не завершена и таит в себе бесконечные возможности и новые факты открывают в прошлом «не замеченную нами раньше истину» [8]. События и детали, прежде рассматриваемые как несущественные, обретают первостепенное значение и, наоборот, ранее значимые уходят в тень.

Устные свидетельства изначально субъективны [9]. В этом состоит их особенность и главное достоинство, открывающие возможности приблизиться к осмыслению людьми своей истории, повседневной жизни, выявлять особенности менталитета. Другие виды источников, зачастую создаваемые разного рода чиновниками, делопроизводителями пишутся с позиции государства, и человек в них остается объектом приложения его властных полномочий.

В перспективах исследовательского поля устной истории открывается значительная роль исследователя. Изначально историк принимает решение о проведении интервью, полученная информация во многом зависит от возникшего диалога, доверительности, гибкости исследователя. Всем известно, что «слово не воробей» и дважды услышать от человека информацию в неизменном виде невозможно. Даже два разных интервьюера могут у одного человека получить разную информацию.

Формирование в последней трети XX века принципиально новых полей исторического знания под влиянием лингвистического и культурного поворотов имело широкие последствия. Некоторые из новых исследовательских полей институционально оформились под их влиянием: историческая антропология с историей ментальностей и историей повседневности, историческая культурология, интеллектуальная история, новая биографика, микроистория и новая локальная история и др. Понимание культурного

многообразия мира стало условием новой интеграции в науку. Интеграции в широком понимании, как в сфере науки, так и в сфере научного сообщества.

Качественный подход в социологии включает в себя несколько техник: обоснованную теорию, этнографию, историю жизни, разговорный анализ. Некоторые более специфические техники применяются к более частным темам. Придавая первостепенное значение историческому контексту событий, «качественники» используют теорию для критики социальных условий и вскрывают глубинные структуры социальных отношений. Поэтому они анализируют субъективные значения, метафоры, символы, специфические случаи, которые не поддаются прямому измерению путем приписывания числовых значений. Жесты, взгляды, атмосфера, приказы – все это приобретает особую значимость [10].

Ученые – социальные конструктивисты (П. Бергер, Н. Лукман [11], И. Гофман [12], К. Уэст, Д. Зиммерман [13]) анализируют «социальные факты» как продукты дискурсивных практик. Соответственно предметом анализа становятся системы репрезентаций, социальные и материальные практики, дискурсивные стратегии, идеологические эффекты [14].

Социологи Е. Здравомыслова и А. Темкина при анализе материалов биографического интервью используют методику «анализа категоризации». Смысл методики заключается в исследовании того, как в текстах «производятся» описания повседневности, доступные для понимания. Описывая что-либо, индивиды используют категории, имеющие интересующий смысл и поэтому обеспечивающие возможности понимания в рамках данной культуры [15]. Текст интервью, таким образом, представляет собой нарратив, содержащий категории, посредством которых индивид описывает социальные взаимодействия в конкретном поле исследования.

Субъективный опыт отдельного человека, через который формируется историческая память, возможность уловить формирование его самосознания, понять, как преломляется оценка событий отдельными людьми, особенно в экстремальных условиях, – главное в устных исследованиях [16]. Молодому поколению сложнее составить себе впечатление о войне. Анкетирование современного поколения студентов показало, как высоко они оценивают значимость подобного рода работ.

Представляется, что устная история обладает мощным потенциалом гражданственности. В ходе интервью происходит встреча двух поколений. Старшее поколение радо наблюдать у молодых интерес к их прошлому. Практически ни один из тех ветеранов, которому предложили своими воспоминаниями содействовать реализации проекта, не отказался дать интервью. Более того, они благодарили за внимание к ним. Представители старшего поколения вспоминают свою молодость, проводят ассоциации с интервьюерами, и уважительное отношение студентов к их жизненному опыту позволяет им обрести чувство собственного достоинства и уверенность в будущем нашей страны и культуры [17]. Таким образом, устная история соединяет прошлое и будущее, прослеживает преемственность поколений. Реконструкции истории становятся плодом совместных усилий, и молодое поколение прислушивается к голосу старших.

Осознание событий своей жизни, своего поколения, окружающего социума у человека происходит постоянно. По мнению М. Фриша, чем дальше по времени устные свидетельства отстоят от самих событий, тем больше хранят меняющееся соотношение самих воспоминаний и обобщений, рефлексии, суждений об историческом прошлом и конкретных данных, связанных с личностью [18]. Действительно, устная история показывает, как меняется оценка людьми событийного ряда в зависимости от времени, общественной ситуации, позволяет наблюдать, как одни трактовки событий подавляются, а другие начинают доминировать. Духовный мир человека, его ценности, традиции, стереотипы, страхи, надежды (реализованные и погибшие) открываются посредством опросов информантов. Это ценнейшие источники по культуре общества.

Исследования последних лет показали, что многие вопросы, стоящие сейчас перед специалистами в области устной истории, актуальны и для других областей гуманитарных наук: истории, антропологии, социологии, фольклористики. Если исторические исследования используют устные воспоминания для изучения человека в прошлом, то качественная социология прибегает к нарративу для анализа социальных проблем настоящего. Выходит, что меняется лишь предмет исследования у историков, антропологов, фольклористов, социологов. Устная история в настоящее время становится все более социально ориентированной областью истории, которая как методологически, так и концептуально дает представление о новых перспективах социального познания. Сейчас

устная история имеет все основания считаться междисциплинарной практикой, позволяющей извлекать информацию из устных источников.

Задачи критического дискурс-анализа в устно-исторических исследованиях о Второй мировой войне

На западе исследователи разных форм социальной действительности уже длительное время используют методологию критического дискурс-анализа. Задача дискурс-аналитиков – изучить связь между дискурсом и реальностью. Дискурсы реализуются с помощью различных текстов, хотя они существуют вне конкретных текстов, которые их составляют [19].

Дискурс-анализ направлен на изучение того, как создаются социально произведенные идеи и объекты, составляющие социальный мир, и как они поддерживаются и актуализируются во временном аспекте. По мнению европейских дискурс-аналитиков, этот метод направлен на изучение способов производства социальной реальности, в то время как другие качественные методологии работают на понимание и интерпретацию ее как данности. Таким образом, дискурс-анализ изучает, как язык конструирует феномены, а не как он отражает или раскрывает их. Иными словами, в дискурс-анализе принято рассматривать дискурс как конститутив социального мира, а не путь к нему, и исходить из того, что мир не может быть познан независимо от познания дискурса [20].

Исходя из работ Нормана Фэрклоу, Тойна А. Ван Дейка и других исследователей, можно выделить три аспекта в изучении дискурса: анализ текстов в рамках дискурсов, локализуя их в историческом и социальном контексте, изучение конкретных акторов, отношений и практик, характеризующих предмет исследования [21]. В подобных исследованиях происходит работа не с языком, а с условиями производства текста. Применительно к устным интервью о Второй мировой войне нам важно выявить механизмы создания рассказа информанта, чтобы понять, как и почему социальная действительность настоящего влияет на передачу информации о прошлом, как в рассказ о лично-пережитых событиях военного времени вплетается властный дискурс современных оценок Второй мировой войны. Другими словами, нарративный и другие виды устоявшихся в устно-исторической практике анализов транскрипта устного интервью могут дать нам информацию о самом рассказчике, помогут реконструировать военную повседневность, ответить на вопросы о механизмах существования коллективной и индивидуальной памяти о событии. Методология дискурс-анализа ставит вопросы иного содержания, а именно, как социальная практика влияет на язык повествования рассказчиков, и шире, почему возможна существующая модель понимания истории Второй мировой войны в современном российском социуме и как эта модель «уживается» с индивидуальными переживаниями событий прошлого в рассказе информанта.

В социальных практиках дискурс имеет три плана выражения [22]. Во-первых, дискурс – это часть социальной деятельности в рамках социальной практики. Здесь в качестве примера может служить существующая в России социальная память о Второй мировой войне, механизмы ее конструирования и поддержания на уровне государственной идеологии. Она реализуется в различных рода мероприятий, посвященных годовщинам Победы в войне, знаменательным датам, конкурсах в честь героев войны, равно как и в дискуссии вокруг роли личности Сталина, просчетах командования. Официальный язык, которым пользуются политики, общественные деятели при проведении того или иного мероприятия, становится основополагающим в системе репрезентации истории Второй мировой войны современникам. Из средств массовой информации (тексты поздравлений первых лиц государства с годовщиной победы, видеоряд и комментарии к официальным мероприятиям, тексты положений о военно-патриотических конкурсах) гранд-нарратив о войне проникает в социальную среду повседневности и усваивается гражданами на неосознанном уровне.

Говоря о социальной деятельности как об одном из планов выражения дискурса, имеет смысл упомянуть общественную деятельность ветеранов войны. Важной составляющей работы ветеранских организаций на протяжении многих лет является взаимодействие со школами, ссузами и вузами, проведение так называемых «уроков мужества» со школьниками и студентами, участие в военно-патриотических мероприятиях в образовательных заведениях. Формирование патриотизма у подрастающего поколения – важная задача государственной политики. Подобные встречи-беседы о Великой Победе

советского солдата в борьбе с нацизмом призваны формировать у молодежи уважительное отношение к прошлому своей Родины, гордость за своих отцов и дедов, отстоявших независимость страны. Тематика таких уроков утверждалась руководящими органами образования страны [23]. Со временем уроки стали представлять собой своеобразный ритуал – чествование героев войны. Приглашенные ветераны из года в год рассказывали одни и те же истории, прославляющие мощь и силу державы. Происходила мифологизация событий Великой Отечественной войны. За рамками мифов осталась война негероическая, с ее страхом, предательством, насилием, мародерством, просчетами командования, бессмысленной гибелью сотен и тысяч людей. «Профессиональные» ветераны до сих пор почти не говорят об этой стороне войны. Транслируя миф о войне как героической странице прошлого нашего государства, они со временем сами уверовали в истинность своих рассказов. Личный опыт долгое время был не востребован официальной политикой памяти, поэтому он был замещен высокопатриотическими размышлениями о славе и мужестве советского воина. «Профессионализация» ветеранов, таким образом, выражается в трансляции официальной памяти о войне. Оговоримся, что далеко не все солдаты и офицеры, выжившие в войне, могут быть отнесены к этой категории. Те, кто видел войну не из штаба командования, а сам находился на передовой, не мог принять официальную историю войны, сложившуюся в послевоенное время под чутким контролем государства. Их личный опыт расходился с героико-патриотической концепцией. Поэтому единственной формой сопротивления было молчание. Таким образом, «пассивное» разномыслие [24] участников войны формировалось в послевоенное время. О «другой войне» можно было говорить в кругу семьи, и то не всегда. Подрастающему поколению нужны герои войны, о которых им рассказывали на уроках мужества, а не отцы, которые были в плену, работали на «врагов», насиловали европейских женщин, грабили жителей освобожденных ими стран. Другая правда о войне была табуирована официальной властью.

Следующий план выражения дискурса – репрезентация. Социальные агенты в любой социальной практике производят репрезентации других практик, а также «рефлексивные» репрезентации их собственной практики (т.е. той, в поле которой они находятся в конкретный период). Они «реконтекстуализируют» другие практики [25], т.е. они инкорпорируют их в собственную практику. А это значит, что различные агенты будут репрезентировать практики различным образом в зависимости от того, как они позиционируют себя в собственной практике [26]. В нашем случае хорошим примером репрезентации как одного из уровней выражения дискурса являются устные интервью с ветеранами войны, выступление ветерана перед школьниками или студентами. Рассказ о своем опыте в годы войны нередко подтверждается знаниями о войне как о явлении историческом и знаковом для российского социума. Заимствование официальных фактов для своего рассказа как бы придает значимость информанту как свидетелю и участнику тех событий. Репрезентация есть процесс социального конструирования практик, включающий также рефлексивное самоконструирование – репрезентации вторгаются в социальные процессы и практики и придают им форму [27]. В связи с этим Н. Фэрклоу призывает отличать понятие «дискурс» от «дискурсов» во множественном числе, под которым он понимает «различные репрезентации социальной жизни, которые по своему существу являются позиционируемыми – различные позиции социальных агентов позволяют им различным образом «видеть» и репрезентировать социальную жизнь в различных дискурсах» [28]. Устное интервью – это один из вариантов репрезентации социальной жизни информанта. Рассказывая о событиях Второй мировой войны, ветеран так или иначе использует язык современности, его нарратив несет информацию как о прошлом (в частности, о периоде войны), так и о настоящем (времени проведения интервью). Зачастую информант вплетает в рассказ информацию из официальных источников, средств массовой информации. Такие слои текста устного интервью преследуют несколько целей. Апелляция к общеизвестным фактам, рассказы о героях войны призваны придать большую значимость рассказу информанта, усилить его роль в войне. Также такие мини-рассказы говорят о работе государственной идеологии, о влиянии и присвоении коллективной памяти о событиях прошлого на индивидуальном уровне. При анализе подобных дискурсов у исследователей стоит задача выявления и разведения коллективного и индивидуального уровней памяти, изучения причин апелляции информантов к официальному, властному дискурсу.

Третий план выражения дискурса – образы жизни, утверждение идентичности [29]. Дискурс как часть образа жизни конституирует стили, например, стиль ветерана, ребенка войны, работника тыла. Ветераны войны ведут себя согласно приписываемым им обществом правилам поведения: надевают ордена и медали в дни празднования дат Победы, посещают торжественные собрания, принимают поздравления, рассказывают о войне последующим поколениям, являются постоянными участниками «уроков мужества» в образовательных заведениях.

Мы видим, что в результате разложения дискурса на планы или уровни его выражения круг замыкается. Об этом упоминал Н. Фэрклоу в работе «Диалектика дискурса». Социальная жизнь – рефлексивна; а это означает, что люди не только действуют и взаимодействуют в сетях социальных практик, они также интерпретируют и репрезентируют себе и другим то, что они делают, и эти интерпретации и репрезентации оформляют и переоформляют то, что они делают. Способы (взаимо)действия и образы жизни (в том числе и дискурсные аспекты, жанры и стили) репрезентируются в дискурсах, которые могут способствовать производству новых представлений [30]. Изучение перечисленных планов выражения дискурса даст нам возможность выявления логики соотношения между текстом и социальной практикой.

С развитием устной истории исследователи ищут новые методы интерпретации полученных источников. Критический дискурс-анализ становится одним из актуальных методов интерпретации текста устного интервью. Данный метод позволяет выявлять условия производства текста, тем самым анализу подвергается не только само интервью о периоде войны, но и время создания этого текста, то есть социальная практика современности. Механизмы формирования социальной памяти и ее влияние на индивидуальный опыт и память о нем также могут быть изучены средствами критического дискурс-анализа. В итоге мы можем ответить на вопросы, почему в современном российском обществе память о войне остается ключевой и какие механизмы задействует власть для поддержания нарратива о войне.

Примечания:

1. Лоскутова М.В. Введение // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 13.
2. Интернет ресурс Центра по устной истории в Европейском университете в Санкт-Петербурге // www.eu.spb.ru/oralhist.
3. Румянцева М.Ф. Новая локальная история в проблемных полях современного гуманитарного знания // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна». М., 2005. С. 130–133.
4. Цит. по: Стрекалова Е.Н. Возможности устной истории: к постановке проблемы // <http://www.newlocalhistory.com/ustnaya/>
5. Тош Дж. Стремление к истине: как овладеть мастерством историка: Пер. с англ. М., 2000. С. 174–175.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна: Пер. с фр. СПб., 1998. С. 10.
7. Пржиленский В.И. Междисциплинарный подход сегодня: философские предпосылки и методологические следствия // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна». М., 2005. С. 6.
8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 276–277.
9. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 39.
10. Neuman, W.L. Social Research methods. Qualitative and Quantitative Approaches; Allyn & Bacon, 1994 (Цит. по: Малышева М. Интерактивное интервьюирование и нетрадиционные способы интерпретации данных // Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях: Материалы семинаров / Под ред. М. Малышевой. М: МЦГИ, 1997. С. 91–103.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995 // http://www.people.nnov.ru/volkov/social_psychology/berger_p_luckmann_t/index.html.
12. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
13. Уэст К., Зиммерманн Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2000. С. 193–219.
14. Цит. по: Здравомыслова Е., Темкина А. Анализ нарратива: возможности реконструкции сексуальной идентичности // В поисках сексуальности: Сборник статей. СПб.: Изд-во Д. Буланин / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. С. 549–558.
15. Здравомыслова Е., Темкина А. Анализ нарратива: возможности реконструкции сексуальной идентичности // В поисках сексуальности: Сборник статей. СПб.: Изд-во Д. Буланин / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. С. 549–558.

16. Лоскутова М.В. Введение // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 13.
17. Стрекалова Е.Н. «Устная история» в контексте новой локальной истории // <http://www.newlocalhistory.com/ustnaya/>
18. Фриш М. Устная история и книга Стадса Теркеля «Тяжелые времена» // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 52–65.
19. Phillips, Nelson and Hardy, Cynthia. (2002) What Is Discourse Analysis? In N.Phillips and C.Hardy *Discourse Analysis: Investigating Processes Of Social Construction*. Thousand Oaks, CA: Sage. PP. 1-18. (Русский перевод Филлипс Н., Харди С. Что такое дискурс-анализ // Современный дискурс-анализ <http://discourseanalysis.org/ada1/st5.html> (дата обращения 15.06.2012)).
20. Там же.
21. Fairclough N., 1992, *Discourse and Social Change*. Polity Press, Cambridge.
22. Fairclough, N. The Dialectics of Discourse // <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc> (русский перевод Фэрклоу Н. Диалектика дискурса // Современный дискурс-анализ <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.html> (дата обращения 15.06.2012)).
23. См., например, Приказ Минорбнауки России № 118 от 25.11.2004 «О подготовке и проведении празднования 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_04/m118.html (дата обращения 13.10.2011).
24. Термин Б. Фирсова (См. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1060-е гг.: История, теория и практика. СПб., 2008).
25. Bernstein B., 1990, *The Structuring of Pedagogic Discourse*, Routledge, London, Chouliaraki L., and N. Fairclough, 1999, *Discourse in Late Modernity*. Edinburgh University Press, Edinburgh.
26. Fairclough, N. The Dialectics of Discourse // <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc> (русский перевод Фэрклоу Н. Диалектика дискурса // Современный дискурс-анализ <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.html> (дата обращения 15.06.2012)).
27. Там же.
28. Там же.
29. Fairclough, N. The Dialectics of Discourse // <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc> (русский перевод Фэрклоу Н. Диалектика дискурса // Современный дискурс-анализ <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.html> (дата обращения 15.06.2012)).
30. Там же.

Транслитерация:

1. Loskutova M.V. Vvedenie.// Khrestomatiya po ustnoi istorii. SPb., 2003. S. 13.
2. Internet resurs Tsentra po ustnoi istorii v Evropeiskom universitete v Sankt-Peterburge // www.eu.spb.ru/oralhist.
3. Rumyantseva M.F. Novaya lokal'naya istoriya v problemnykh polyakh sovremennogo gumanitarnogo znaniya // Mezhdistsiplinarnye podkhody k izucheniyu proshlogo: do i posle «postmoderna». M., 2005. S. 130-133.
4. Tsit. po: Strekalova E.N. Vozmozhnosti ustnoi istorii: k postanovke problemy // <http://www.newlocalhistory.com/ustnaya/>
5. Tosh Dzh. Stremlenie k istine: kak ovladet' masterstvom istorika: Per. s angl. M., 2000. S.174-175
6. Liotar Zh-F. Sostoyanie postmoderna: Per. s fr. SPb., 1998. S.10.
7. Przhilenskii V.I. Mezhdistsiplinarnyi podkhod segodnya: filosofskie predposylki i metodologicheskie sledstviya // Mezhdistsiplinarnye podkhody k izucheniyu proshlogo: do i posle «postmoderna». M., 2005. S. 6.
8. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii. M., 1991. S. 276-277.
9. Portelli A. Osobennosti ustnoi istorii // Khrestomatiya po ustnoi istorii. SPb., 2003. S. 39.
10. Neuman, W.L. Social Research methods. Qualitative and Quantitative Approaches; Alyn & Bacon, 1994 (Tsit. po: Malysheva M. Interaktivnoe interv'yuirovaniye i netraditsionnye sposoby interpretatsii dannykh // Vozmozhnosti ispol'zovaniya kachestvennoi metodologii v gendernykh issledovaniyakh: Materialy seminarov / Pod red. M. Malyshevoi, M: MTsGI, 1997. S. 91-103.
11. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya. M., 1995 // http://www.people.nnov.ru/volkov/social_psychology/berger_p_luckmann_t/index.html.
12. Gofman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni. M., 2000.
13. Uest K., Zimmermann D. Sozdaniye gendera // Khrestomatiya feministkikh tekstov. Perevody. Pod red. E.Zdravomyslovoi, A.Temkinoi. – SPb., 2000. S.193-219.
14. Tsit. po: Zdravomyslova E., Temkina A. Analiz narrativa: vozmozhnosti rekonstruktsii seksual'noi identichnosti // V poiskakh seksual'nosti: Sbornik statei. SPb.: Izd-vo D.Bulanin / Pod red. E.Zdravomyslovoi i A.Temkinoi. S. 549-558.
15. Zdravomyslova E., Temkina A. Analiz narrativa: vozmozhnosti rekonstruktsii seksual'noi identichnosti // V poiskakh seksual'nosti: Sbornik statei. SPb.: Izd-vo D.Bulanin / Pod red. E.Zdravomyslovoi i A.Temkinoi. S. 549-558.
16. Loskutova M.V. Vvedenie.// Khrestomatiya po ustnoi istorii. SPb., 2003. S. 13.

17. Strekalova E.N. «Ustnaya istoriya» v kontekste novoi lokal'noi istorii // <http://www.newlocalhistory.com/ustnaya/>
18. Frish M. Ustnaya istoriya i kniga Stadsa Terkelya «Tyazhelye vremena» // *Khrestomatiya po ustnoi istorii*. SPb., 2003. S. 52-65.
19. Phillips, Nelson and Hardy, Cynthia. (2002) What Is Discourse Analysis? In N.Phillips and C.Hardy *Discourse Analysis: Investigating Processes Of Social Construction*. Thousand Oaks, CA: Sage. PP. 1-18. (Russkii perevod Fillips N., Khardi S. Chto takoe diskurs-analiz // *Sovremennyi diskurs-analiz* <http://discourseanalysis.org/ada1/st5.html> (data obrashcheniya 15.06.2012)).
20. // *Sovremennyi diskurs-analiz* <http://discourseanalysis.org/ada1/st5.html> (data obrashcheniya 15.06.2012)).
21. Fairclough N., 1992, *Discourse and Social Change*. Polity Press, Cambridge.
22. Fairclough, N. The Dialectics of Discourse // <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc> (ruskii perevod Ferklou N. Dialektika diskursa // *Sovremennyi diskurs-analiz* <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.html> (data obrashcheniya 15.06.2012)).
23. Sm., naprimer: Prikaz Minorbnauki Rossii № 118 ot 25.11.2004 «O podgotovke i provedenii prazdnovaniya 60-i godovshchiny Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine 1941-1945 godov» // http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_o4/m118.html (data obrashcheniya 13.10.2011).
24. Termin B.Firsova (Sm. Firsov B.M. *Raznomyslie v SSSR. 1940-1060-e gg.: Istoriya, teoriya i praktika*. SPb., 2008).
25. Bernstein B., 1990, *The Structuring of Pedagogic Discourse*, Routledge, London, Chouliaraki L., and N. Fairclough, 1999, *Discourse in Late Modernity*. Edinburgh University Press, Edinburgh.
26. Fairclough, N. The Dialectics of Discourse // <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc> (ruskii perevod Ferklou N. Dialektika diskursa // *Sovremennyi diskurs-analiz* <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.html> (data obrashcheniya 15.06.2012)).
27. Fairclough, N. The Dialectics of Discourse // <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc> (ruskii perevod Ferklou N. Dialektika diskursa // *Sovremennyi diskurs-analiz* <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.html> (data obrashcheniya 15.06.2012)).
28. Fairclough, N. The Dialectics of Discourse // <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc> (ruskii perevod Ferklou N. Dialektika diskursa // *Sovremennyi diskurs-analiz* <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.html> (data obrashcheniya 15.06.2012)).
29. Fairclough, N. The Dialectics of Discourse // <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc> (ruskii perevod Ferklou N. Dialektika diskursa // *Sovremennyi diskurs-analiz* <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.html> (data obrashcheniya 15.06.2012)).
30. Fairclough, N. The Dialectics of Discourse // <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc> (ruskii perevod Ferklou N. Dialektika diskursa // *Sovremennyi diskurs-analiz* <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.html> (data obrashcheniya 15.06.2012)).

UDC 903

Opportunities of Critical Discourse Analysis as a Tool of Interpretation of Stories About World War II

Irina V. Rebrova

Kuban State Technological University, Russia
PhD (History), Assistant Professor

Abstract. The article deals with appliance of critical discourse-analysis for interpretations of oral reenactments during World War II. As the basis material we use interviews with veterans and witnesses of military events in the south of Russia.

Keywords: critical discourse-analysis; the Great Patriotic War; oral history; ego-documents.